

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И.А. ПОМИГУЕВ*

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация. В статье представлен обзор предметного поля законодательных исследований в политической науке. Автор раскрывает разницу понятий «законодательный» и «законотворческий», используемых политологами, описывает основные исторические вехи развития указанного исследовательского направления, а также освещает наиболее популярные в настоящее время тематические блоки. Представлены научные подходы и методы, с помощью которых можно изучать законодательные органы и связанных с ними политических акторов. Показана авторская типологизация исследований внешней среды парламентской деятельности, которая включает в себя анализ законодательной работы президента, правительства, судов, немажоритарных органов и общественных групп, использующих парламент как поле для взаимодействия в ходе принятия государственных решений. Типологизация работ о деятельности внутри парламента построена на разнице в изучении законодательных институтов, происходящих в них процессов, а также используемых технологиях. Освещаются также темы структурного разнообразия парламента, процедур принятия решений, сетевого взаимо-

* **Помигуев Илья Александрович**, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: pomilya@mail.ru

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

действия политических акторов. Описаны перспективные направления исследований, связанные с анализом дискурсов и практик аргументаций, в том числе с использованием нейросетей.

Ключевые слова: законодательные исследования; законодательные институты; законодательный процесс; законодательные технологии; предмет законодательных исследований; политическая наука.

Для цитирования: Помигуев И.А. Предметное поле законодательных исследований в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 16–41. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.01>

Законодательные исследования – одно из активно развивающихся междисциплинарных направлений политической науки, фокусом которого является изучение деятельности законодательных органов, связанных с ними политических акторов как внутри, так и за их пределами, а также отношений с другими политическими институтами в процессе принятия коллективных политических решений. Различные аспекты этого процесса изучаются представителями многих общественных наук – юриспруденции, социологии, психологии и т.д. Политологи же обращают внимание на властные отношения, которые складываются в ходе парламентской работы, ведь любое решение – это результат борьбы за влияние на итоговый результат. В этой связи каждый, даже чисто технический, закон отражает расклад сил в противостоянии групп, имеющих разные политические интересы и цели. Главным призом здесь выступает закон, который становится обязательным для исполнения.

Совсем неверно было бы определять legislative studies лишь как изучение законодательной функции парламента. Сложная политico-правовая природа органа требует комплексного подхода, подразумевающего его способность влиять на деятельность правительства, контролировать исполнение законов, определять бюджетный процесс, представлять интересы избирателей. Но все эти моменты также напрямую связаны с теми коллективными решениями, которые парламенты принимают во взаимодействии с другими органами власти, обосновывая каждую из них публично в строгом соответствии с установленными правилами и процедурами, легитимизируя таким образом политический курс.

Одним из важных условий роста исследовательского интереса к деятельности парламента стала открытость данных о их деятельности: в частности, развитие информационных технологий

позволяет практически в режиме реального времени получать сведения о рассматриваемых законопроектах, их обсуждениях на парламентской площадке, голосовании парламентариев на пленарных заседаниях, их активность в медиа и социальных сетях.

Главной задачей представленной статьи является обзор предметного поля legislative studies. Не претендую на полноту раскрытия всего разнообразия исследований представленного направления (для этого потребовалось бы написать не один том), автор сосредоточился лишь на описании исторических вех и современных исследовательских трендов в legislative studies. Но для начала разберемся с терминами.

К вопросу об определении понятий «законодательный» и «законотворческий» в политических исследованиях

Первый и главный вопрос, волнующий политологов, – это различие понятий «законодательный» и «законотворческий» применительно к процессу принятия решений парламентом. В отечественной политической науке сложилось представление, что первый термин больше подходит для юридических исследований, а второй – для политических. Однако, как видится, такое разделение выглядит несколько искусственно, поскольку здесь имеется в виду одно и то же – работа над законами. При этом есть некоторые стилистические особенности применения слов. Например, когда мы говорим «законодательство», то имеем в виду «совокупность законов», а во вторую очередь уже их «составление и издание»¹. В случае с законотворчеством «разработка и издание» становится ключевым параметром².

В юриспруденции и конституционном праве мы можем найти более подробное описание терминов. Так, законодательство — это «внешняя форма выражения права, представленная совокупно-

¹ Законодательство // Толковый словарь Ожегова. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=8297> (дата посещения: 12.11.2022).

² Законотворчество // Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275049> (дата посещения: 12.11.2022).

стью всех действующих в государстве законодательных актов»¹, а законотворчество – это «установленный в юридических нормах вид правотворческого процесса, регламентирующий порядок деятельности законодательного органа государства по выработке, принятию и изданию законов»².

В англоязычной литературе мы также можем встретить похожую проблему: слова *legislator* (лицо, участвующее в принятии законов³) и *lawmaker* (политик, который отвечает за предложение и принятие новых законов⁴) практически идентичны, а *legislation* (закон или совокупность изданных законов⁵) и *lawmaking* (процесс принятия законов⁶) имеют незначительные отличия друг от друга, но очень похожи по смыслу с аналогами в русском языке. Но в чем тогда отличие этих терминов в политической науке?

Чаще всего в научных трудах мы можем встретить прилагательные «законодательный» и «законотворческий» применительно к институтам, процессам и технологиям принятия решений парламентом. Автор в своей диссертационной работе уже предпринимал попытки понять разницу между законотворческим и законодательным процессами [Помигуев, 2016 а]. Так, первое понятие используется в официальных документах и объясняется Конституционным судом России как «конституционно установленные последовательные этапы, на которых возникают различные правоотношения между его участниками, наделенными определенными

¹ Законодательство // Элементарные начала общей теории права. – Режим доступа: https://elementary_law.academic.ru/119/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата посещения: 12.11.2022).

² Законотворчество // Большой юридический словарь. – Режим доступа: https://big_law.academic.ru/410/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата посещения: 12.11.2022).

³ Legislator // Collins. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/legislator> (accessed: 12.11.2022).

⁴ Lawmaker // Collins. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lawmaker> (accessed: 12.11.2022).

⁵ Legislation // Cambridge dictionary. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/legislation> (accessed: 12.11.2022).

⁶ Lawmaking // Cambridge dictionary. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/lawmaking> (accessed: 12.11.2022).

правами и обязанностями, направленные на принятие законодательного акта»¹.

Законотворческий процесс в научной литературе используется как «расширительное» понятие, которое включает в себя предварительные этапы рассмотрения инициатив, начиная с выявления потребностей и зарождения идеи [Конституционное право, 2001]. Иногда эти два понятия вообще отождествляют [Борисов, Ильюхов, Кожанов, 2003, с. 130].

Однако смысловая нагрузка терминов все-таки разная: отличием между ними можно признать не количество этапов и заинтересованных акторов² (хотя это тоже важно), а результат законодательной деятельности. Таким образом, наиболее релевантной отличительной характеристикой понятий можно считать нацеленность на процесс согласования позиций политических игроков в случае с законотворческим процессом, или на итоговый результат – в случае с законодательным (при этом неважно принят закон или нет) [Помигуев, 2016 а, с. 44–45].

Во многом такое различие терминов – надуманная проблема, вызванная желанием политических исследователей дистанцироваться от юридических наук, поэтому и то и другое понятие мы предлагаем использовать как синонимичные, если иное не предполагается самим исследованием.

Исторические предпосылки формирования legislative studies как исследовательского направления в политической науке

Изучение деятельности парламентских органов началось еще до институционализации политологии как самостоятельной научной дисциплины: философы, историки, юристы не одно столетие занимаются вопросами законоотворчества. Платон и Цицерон

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.1996 № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.04.1996, № 18, ст. 2253.

² Различие указанных понятий с политологической точки зрения подробно анализируется в работе: [Шульман*, 2014].

* Внесена в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

рон, например, в своих работах касались содержания законов, Фома Аквинский систематизировал правовые нормы, выделяя естественное, божественное и человеческое право, считая их действием справедливости. Ж. Боден, Г. Гроций и Т. Гоббс рассуждали на тему естественного права и суверенитета, баланса сил между суверенными монархами и различными сообществами, Дж. Локк и Ш. Монтескье развивали идеи разделения властей между исполнительной и законодательной властью, а также возможностями ограничения абсолютной власти монарха, а Дж. Ст. Милль рассматривал принципы парламентской системы, особое внимание уделяя принципам справедливого всеобщего представительства всех слоев населения. В дальнейшем эти идеи развивались «отцами-основателями» США при строительстве властного механизма новой политической системы.

Российские мыслители также внесли свой вклад в изучение роли парламентов: В.Н. Татищев, например, определял особую роль представительного органа в плане одобрения законов, издаваемых монархом, а декабристы (П.И. Пестель, Н.М. Муравьев) и вовсе считали, что законодательную власть нужно передать парламенту, оставив монарху право только исполнять законы.

В начале XX в. в отечественной политико-правовой мысли произошел резкий рост интереса к исследованиям деятельности парламента и результатов его работы, что связано с образованием нового органа – Государственной думы. Конституционалисты и правоведы рассматривали особенности двухпалатного устройства парламента [Гессен, 1906], вопросы народного представительства [Лазаревский, 1905, с. 179–252], новую систему отношений законодательного органа с исполнительной ветвью власти и монархом [Соколов, 1912], а также процедурные аспекты работы нового института [Нольде, 1911]. При этом именно юридические аспекты такой деятельности привлекали внимание теоретиков и практиков по всему миру.

Появление и институционализация политической науки в конце XIX – начале XX в. вдохнула новую жизнь в изучение собственно политической природы парламента и его отдельных компонентов. Первые попытки нового осмысления законодательной деятельности таких органов наблюдались в первую очередь в американской политической науке. Например, интересна позиция Э. Брюнкена, который рассматривал дефектные методы долгого и

непубличного обсуждения вопросов законодательной повестки, несущественного влияния комитетов на результаты принятия законов (он предлагал сделать «суперкомитет», где собирались бы «тяжеловесы») и низкого качества инициатив [Bruncken, 1909]. Исследователи также выделяли в качестве предмета принципы законодательной деятельности [Freund, 1916] и процедурные компоненты процесса принятия решений [Bates, 1916; Hull, 1913]. Заметим, что рассматриваемые темы были созвучны с разработками правоведов и конституционалистов.

Юридическая традиция изучения парламентов оставалась доминирующей в эпоху *старого институционализма*, которая подарила нам новые предметные поля исследований. Так, например, классические работы М. Я. Острогорского [Острогорский, 1997] и М. Дюверже [Дюверже, 2000] фокусировались на изучении важных составляющих парламентской структуры – партий и избирательных систем. Но, как и во всех институциональных исследованиях, главной проблемой оказался формальный и нормативный подход к описанию властных механизмов через законы и нормы, закрепленные законодательно.

В 1960-х годах политологи для анализа парламента стали использовать *системный и структурно-функциональный подходы*. Согласно идеям Г. Алмонда и Д. Паулла, законодательные органы представляют собой подсистему «политической системы», которая помогает преобразовывать политические входы, возникающие в среде системы, в конкретные результаты. Главный вопрос здесь – что именно происходит в «черном ящике», раз в итоге получаются именно такие законы? Такие теоретические концепты натолкнулись на проблему эмпирического анализа данных, которые еще и сложно было найти.

Бихевиоральный «поворот» также не остался в стороне от законодательных исследований. Еще в 20-е годы XX в. появляются работы, изучающие поведение парламентариев и причин их голосования [Rice, 1925, р. 60], но именно в 60–70-х годах XX в. наблюдается подъем исследовательского интереса к микроуровню законодательной деятельности [Converse, Pierce, 1979; Müller, Saalfeld, 1997]. Главной проблемой такого рода исследований являлась излишняя (хотя и глубокая) описательность и сомнительная способность их обобщения в какую-то единую теорию. К этому добавляется неспособность учесть институциональные изменения, их

причины и последствия [The Oxford handbook..., 2014, p. 15], хотя определенные попытки в этом направлении предпринимались через теорию ролей. Например, Дж. Вильке считал законодательный орган «сетью отношений между законодателями и другими лицами, каждый из которых играет определенную роль» [Wahlke, Eulau, Buchanan et al., 1962, p. 8]. Такие идеи в дальнейшем нашли отражение в социологической *теории ролей* как отдельного направления исследования.

В 1990-х годах вышла целая серия работ, которые возродили интерес к изучению поведенческих особенностей деятельности парламентариев и их ролей (чаще всего такие исследования проводились в традициях *структурного функционализма* и *социального интеракционизма*) [Searing, 1994; Saalfeld, Müller, 1997]. В работах подчеркивалось, что, зная функционал членов палаты и его руководства, исследователь может сделать выводы относительно целей и средств, которые политики будут использовать в своей деятельности [Norton, 1997]. Общая проблема таких исследований – отсутствие внятного объяснения позиций партий и внутрипарламентских структур как политических авторов, а также изменения правил игры в ходе политической борьбы.

К. Стрём пытался связать анализ ролей с зародившейся в 1980-е годы *теорией рационального выбора*, рассматривая их как способы и ресурсы для достижения целей, но сложность возникла в определении таких ролей как зависимых и независимых переменных [Strøm, 1997].

Позднее, в 2012 г., исследователи М. Блумгрен и О. Розенберг предприняли попытку возродить теоретический потенциал ролевого концепта [Parliamentary Roles..., 2012] и преодолеть накопившиеся проблемы посредством использования *социологического неоинституционализма*, построенного на изучении норм и ролей, однако к какому-либо прорыву это не привело, скорее, книга стала «интеллектуальным обсуждением долгой истории ролевых исследований» [Pedersen, 2012, p. 533]. В настоящее время вопросы сплоченности, дисциплины, голосования и других индивидуальных действий депутатов так или иначе продолжают рассматриваться с позиции ролевых и психологических теорий [Russell, 2014; Davidson-Schmid, 2003].

Наиболее значимым подходом в анализе законодательной детальности, безусловно, стал *неоинституционализм теории рационального выбора* (ТРВ) с присущими ему особенностями нор-

мативного анализа и методологического индивидуализма. Теория позволяет создавать проверяемые гипотезы о связи между мотивами отдельных парламентариев, институциональными структурами и реализуемой политикой, а также проводить сравнительные исследования законодательных органов разных стран и регионов [Saalfeld, 1995]. Указанный подход успешно справляется с объяснением отношений различных ветвей власти, бюрократов и политиков, процедур и инструментов политического контроля [Dewan, Dowding, Shepsle, 2009], а также способен спрогнозировать результаты законодательной деятельности [Tsebelis, 1990].

Развиваясь параллельно с исследованиями политических режимов и форм правления, законодательные исследования получили сильный импульс для развития после появления в начале XXI в. *неоинституциональной теории вето-игроков* [Elgie, 2005]. Ее важной особенностью является выделение общего критерия, который мог бы уравнять не только институциональных акторов в общем политическом пространстве, но и включить в процесс принятия законодательных решений иных возможных участников на основе одного критерия – возможности блокировать законодательные решения [Tsebelis, 2002]. Сама концепция оказалась очень открытой и простой для использования, что привело к ее широкому использованию в законодательных исследованиях [Помигуев, 2014], начиная с изучения процесса принятия конкретных законов [Hooghe, Deschouwer, 2011] и заканчивая противодействием терроризму [Young, Dugan, 2011] или даже механизмами урегулирования гражданских войн [Cunningham, 2006].

Тем не менее теория вето-игроков не идеальна: она анализирует в основном только формально закрепленные полномочия политических акторов без глубокого погружения в неформальные связи и практики парламентской деятельности. Появление новых инструментов анализа в рамках *сетевого подхода* позволило решить эту проблему. Исследователи сетевых связей отмечают, что в парламенте может быть множество центров власти, которые получают влияние за счет обмена разного рода ресурсами между участниками, уровня их активности и заинтересованности, доверия и стремления к достижению общей цели (подробнее о сетевом подходе и его специальных методах в законодательных исследованиях см.: [Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021]).

Сетевой подход набирает популярность благодаря развитию информационных технологий и появлению большого количества данных о соавторстве внесенных в парламент законопроектов, [Fowler, 2006], поименного голосования парламентариев [Aleman, Calvo, 2013], их активности в соцсетях и СМИ [Kirkland, Kroeger, 2018], выступлениях на пленарных заседаниях [Leifeld, 2016]. На последнюю работу обратим особое внимание, поскольку здесь используется *сетевой анализ дискурсов*, что показывает разнообразие и междисциплинарность подходов к изучению законодательной деятельности парламентариев, а также подчеркивает важность изучения речей и языка парламентариев, структурирующих особое символическое пространство в рамках законодательной деятельности.

Структуралистский подход с его вниманием к анализу дискурсов и стратегий аргументации парламентариев и палаты, безусловно, набирает популярность [Bächtiger, 2014]. В частности, начало XX в. ознаменовалось появлением ряда работ, показавших значимую роль дебатов и дискуссий на результаты парламентской деятельности: так, Т. ван Дейк и Р. Водак подчеркивали, что причина парламентских дебатов, где представляются порой противоположные позиции, лежит в политическом и идеологическом противостоянии различных сил в парламенте [van Dijk, Wodak, 2000], при этом словесная борьба разворачивается на публичной площадке и имеет целью не только (или не столько) убедить соперника, сколько собрать вокруг себя сторонников, находящихся вне парламентского поля [van Dijk, 2004], обосновать и легитимизировать принимаемые решения [Lord, Tamvakis, 2013] для избирателей и других властных органов, способных заблокировать инициативу на дальнейших этапах законодательного процесса.

Исследователи отмечают, что именно власть является значимым фактором законодательного дискурса [Shenhav, Rahat, Shearer, 2012], однако не всегда стремление к получению политического влияния отмечается противостоянием, поскольку в непубличном поле парламентарии могут быть настроены на конструктивную работу с текстом законопроекта, согласованием различных позиций и поиском союзников [Hie, 2003], способных поддержать инициативу. В итоге структуралистский подход стал хорошим подспорьем для изучения идеологических аспектов деятельности парламентариев [Bächtiger, 2014].

Завершая этот раздел, отметим, что все перечисленные подходы так или иначе используются и по сей день, а выбор их во многом зависит от задач, стоящих перед современными исследователями. Какие же это задачи? Предлагаем посмотреть на них в следующих разделах статьи, условно выделив два больших тематических блока – «внешний» и «внутренний» мир парламентской деятельности.

«Внешний мир» законодательной деятельности

Принято считать, что парламент является основным органом, принимающим законодательные решения. Однако это не совсем так. Он, скорее, служит площадкой для взаимодействия различных политических сил. Например, в США президент не может вносить инициативы в Конгресс, но при этом способен заблокировать решение, воспользовавшись правом вето; в России правительство, наоборот, может только вносить инициативы в Госдуму, но не принимать решения относительно их дальнейшей судьбы. Однако в обоих приведенных случаях эти органы постоянно работают над законопроектами с парламентом. Правила принятия законов в каждом государстве свои, но ясно одно – законодательный процесс не ограничивается парламентской деятельностью. Тем не менее все представленные случаи представляют собой внешние взаимодействия законодательного органа в процессе принятия решений. В представленном разделе предлагается рассмотреть работы, посвященные изучению «внешних» условий работы парламента и его отношений с другими политическими акторами.

Исполнительная власть и президент в законодательном процессе

Эта тема, пожалуй, самая популярная среди исследователей политических режимов и форм правления [Shugart, 2009]. Сложно найти темы, которые еще не изучены, тем не менее в legislative studies «пробелы» в знаниях до сих пор находят. Так, например, современные исследования сосредоточены на вопросах возможностей правительства продвигать свои законопроекты в парламентах [Calca, 2022], контроля за ними со стороны парламентов [Serban, 2020],

а также внутриведомственного взаимодействия министерств на парламентских площадках [Noble, 2020].

В плане взаимодействия парламента с правительством и президентом интересен случай России. Исследователи, например, выясняли, как можно «приручить» Госдуму с помощью партийных механизмов [Chaisty, 2008], определить причины превращения законодательного органа в *rubber stamp*, принимающего почти все инициативы, вносимые правительством [Noble, 2015], а также основания для сохранения законодательной функции органа в условиях авторитарного режима. В последнем случае отмечается желание «автократа» заручиться долгосрочной поддержкой своих союзников [Krol, 2017], использовать парламент как площадку для рекрутования новых кадров в органы исполнительной власти [Shirikov, 2021] или как арену для внутриэлитных переговоров [Reuter, Szakonyi, 2019].

В целом можно найти много работ с исследованиями президента и правительства в законодательном процессе. Одним из трендовых направлений здесь является изучение влияния на повестку дня (*agenda setting*) законодательного органа [Jenkins, Monroe, 2016], как позитивного (направленного на продвижение новых инициатив), так и негативного (блокирующего) характера [Zubek, 2011]. Первый аспект, например, подробно рассмотрен в фундаментальной книге под редакцией Б.Е. Раша и Дж. Цебелиса [Rasch, Tsebelis, 2011] и включает в себя анализ действий правительств 14 стран мира (в том числе России) по трем основным направлениям влияния кабинета министров на повестку дня парламента – институциональном, партийном и позиционном¹. Предложенная типология влияния как нельзя точно описывает предметное поле legislative studies.

Можно признать, что внутреннее устройство парламентов, партийные позиции, а также конфликты внутри органа имеют важное значение при выстраивании политики исполнительной власти по отношению к законодательной [Bräuninger, Debus, Wüst, 2017], способной утратить большую часть своей субъектности в случае формирования устойчивого партийного большинства [Remington, 2008].

¹ Анализ концепции и способ применения в различных условиях также предпринимался в рамках изучения технологий законодательного процесса в России. Подробнее см.: [Помигуев, Алексеев, 2021].

Отметим, что отношения между ветвями власти часто рассматриваются в контексте выстраивания государственной политики, и в этом процессе парламенты могут играть не ведущую роль, несмотря на право принимать законы [Yackee, 2019]. Это во многом вызвано ограничениями режима – в авторитарных государствах парламентам сложнее влиять на государственную политику [Petrov, Gel'man, 2019], но такие возможности все-таки присутствуют, что и отмечают исследователи [Williamson, Magaloni, 2020].

В целом описываемая предметная область исследований очень развита, можно найти много работ, посвященных роли правительства и президента в законодательном процессе, и это очередной раз доказывает, что legislative studies не ограничены изучением работы парламента, а лишь подчеркивают его значимость в принятии коллективных решений.

Конституционные правила и судебная власть в законодательном процессе

Начать стоит с конституции как основного закона большинства стран мира. Безусловно, именно этот документ закрепляет основные положения деятельности парламента и его функциональное предназначение, поэтому исследователи пытались понять влияние конституционных рамок на законодательные решения [Stepan, Skach, 1993], взаимовлияние политических акторов и основного закона страны [Tsebelis, 2018], «жесткости» документа при внесении в него поправок через призму стабильности режима [Коß, 2020]. Отметим также, что ученые подчеркивают ключевое влияние на изменение конституций президента и правительства, а значение парламента или общественных групп более скромное, независимо от формы правления [Fruhstorfer, Hein, 2021].

Наиболее перспективным направлением изучения парламентской деятельности является взаимодействие законодательного органа и судебной власти, особенно Конституционного суда. Здесь можно отметить интерпретации его как непосредственно законодателя [Volcansek, 2001], имеющего возможности как заблокировать инициативы других органов, так и самому вносить новые предложения, руководствуясь политической целесообразностью [Комшукова, 2019]. Влияние суда при этом может зависеть от

идеологического состава, схемы государственного контроля за исполнением законодательства и законодательных процедур. Причем наиболее интересна ситуация, когда трактовки конституции и законов становятся способом изменить правовые нормы по факту, не меняя их [Медушевский, 2015].

В целом «политология судов» [Григорьев, 2012] очень интересна с позиции legislative studies, поскольку здесь можно взглянуть на судебную власть как на политический орган, занимающийся не только соблюдением имеющихся норм, но и участием в законодательном процессе в качестве субъекта изменений.

Немажоритарные институты и общественные структуры

Несмотря на институциональные ограничения участия общественных групп и назначаемых органов власти в законодательном процессе, исследователи не обходят стороной и эту предметную область.

Немажоритарные институты – структуры, назначаемые избранными органами власти (как правило, парламентом и президентом), также участвуют в процессе принятия законодательных решений [Григорьев, Родионова, 2023]. В работах на эту тему рассматриваются отношения парламента с судами (о чем мы уже писали выше), центральным банком [Sousa, 2002], различными органами на наднациональном уровне [Princen, 2007]. Ученых интересуют пределы независимости таких институтов в своей деятельности, влияния их на решения, касающиеся полномочий, а также в целом политический потенциал.

Не менее интересны работы, освещдающие значение гражданских структур, посвященные особой роли экспертов [Patty, Turner, 2021] и ученых [Fortunato, 2021], медиаструктур [Melenhorst, 2015] и лоббистов [Miller, 2022] в разработке законов [Ritchie, You, 2019]. Но наиболее значимой здесь является роль избирателей, на которых ориентируются парламентарии в желании переизбраться на новый срок [Rogers, 2017]. Наиболее высокое влияние на политические решения общество может оказывать в процессе референдума, результаты которого существенно превышают значимость обычных или конституционных законов [Hug, Tsebelis, 2002]. К этому добавим, что для важных государственных решений даже без проведе-

ния референдумов необходимо находить поддержку среди населения, особенно настроенного критически [Chaisty, Whitefield, 2023].

Несмотря на развитость электоральных исследований, в legislative studies эта тема не столь популярна, в большей степени ученые здесь ищут закономерности поведения депутатов, мотивов их голосования и выдвижения новых инициатив именно с позиции связи с избирателями [Schoch, Brandes, 2020].

Политических акторов, способных повлиять на законодательный процесс, безусловно, много, но их связывает одно – парламент как площадка для согласования интересов. В этой связи имеет смысл подробнее разобраться во «внутренней кухне» органа, принимающего законы.

«Внутренний мир» парламентской деятельности

«Дьявол кроется в деталях», – это выражение как нельзя кстати подходит для описания внутреннего устройства и работы парламента. Огромное количество работ, посвященных этой теме, можно условно разделить на три блока, которые наиболее точно отражают предметное поле исследований этого органа: институты, процессы, технологии.

Законодательные институты

Самым популярным направлением legislative studies без сомнения можно назвать исследования правил игры и структуры парламента, а также практик взаимодействия депутатов. В первом случае ученые пытаются понять значение норм законодательства и внутреннего распорядка работы на результаты работы органа [Cox, 2000], влияние их на процедуры прохождения законов [Martin et al., 2014] и поведение членов палаты [Giannetti, Pedrazzani, 2016].

Структура парламента сложная, поскольку включает в себя сразу несколько элементов, имеющих разную политическую природу.

1. *Фракции* – политические образования, формирующиеся по принципу общности идеологических позиций и / или партийной принадлежности. Исследователей интересует борьба партий за

доступ к принятию решений через коалиционное строительство [Kayser, Rehmert, 2021], за руководящие посты [Помигуев, 2016 б], за изменение правил игры [Wegmann, 2020].

2. *Комитеты и комиссии* – структуры, формирующиеся по профессиональному признаку и состоящие из депутатов, представляющих разные фракции. Здесь исследователи выявляют политические корни таких структур [Winzen, 2011], значение партийного состава [Haspel, 1998], влияние их на итоговые решения палаты [Gaines et al., 2019], оценивают роль руководства [Lewallen, 2020].

3. *Аппарат* – бюрократический орган, работающий на постоянной основе и обеспечивающий непрерывную деятельность парламента. В некоторых статьях можно найти идеи, согласно которым такие структуры являются актором законодательных изменений [Guy Peters, 2021], способных как минимум задержать рассмотрение инициативы [Kroeger, 2022].

4. *Субституты* – механизмы, исполняющие часть функционала конституционного органа власти. Такие структуры могут быть использованы как для фильтрации отдельных инициатив, так и для придания дополнительной легитимности принимаемым решениям [Помигуев, Зарипов, 2022].

Если изучение структуры парламента в какой-то мере коррелирует с юридическими исследованиями, то практики взаимодействия депутатов являются вотчиной политологов. Здесь ключевую роль играет политический состав палат, от которого зависит способность их членов договариваться и создавать коалиции [Craig, 2021], объединяться для внесения новых инициатив [Kirkland, Kroeger, 2018], публично конфликтовать и дистанцироваться от политики конкурентов [Neal, 2020].

Исследователи рассматривают взаимодействия парламентариев с помощью разных подходов, которые описывались выше, но наиболее перспективно сейчас смотрятся работы, описывающие рациональный выбор депутатов в институциональных условиях [Tsebelis, 2002] и их сетевые отношения [Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021].

Отдельным видом политического искусства можно признать выстраивание внутрифракционных взаимодействий. Исследователи концентрируют свое внимание на партиях в парламенте, а точнее, на обеспечении дисциплины (следование правилам) и сплоченности (идеологическая гомогенность). С такой позиции

изучаются результаты голосования депутатов [Norton, 2005], создания устойчивого большинства [Cooper, 2017] или участия партий в выборах [Cordero, Coller, 2015].

Законодательный процесс

Поэтапное прохождение всех стадий законодательного процесса задействует большое количество акторов, интересы которых могут быть диаметрально противоположными. Процесс принятия законов отражает в целом политический процесс в стране (так называемый «зеркальный принцип» [McCubbins, 2005]), поэтому может рассматриваться в широком смысле как способ определения государственной политики. Для того чтобы инициатива все-таки дошла до логического конца, необходимо учитывать как минимум два важных момента: процедуру (как нормативно установленный порядок действий) и время.

Соблюдение процедуры – это прерогатива бюрократических структур, поскольку именно они обеспечивают непрерывность процесса [West, 2004]. Однако и политические силы, особенно оппозиционные, заинтересованы, чтобы правила были устойчивыми, поскольку это защищает их от непредсказуемости действий властных сил [Norton, 2001], а в некоторых случаях даже помогает сохранить статус-кво (как в случае с флибустьерством) [Borges, 2014]. Процедуры важны также для регулирования времени рассмотрения инициатив в парламенте в целом и на пленарном заседании в частности [Cox, McCubbins, 2011].

Время – основной ресурс не только в политике, поэтому исследователи не могли обойти стороной этот аспект работы парламента. Например, мы можем увидеть работы, где изучается время как переменная, помогающая определить политический цикл [Lagona, Padovano, 2008] или объяснить конкретную траекторию рассмотрения политического вопроса при определении повестки дня [Pralle, 2006], и даже как технология влияния на финальное решение (как в случае с дисконтинуитетом [Помигуев, Алексеев, 2021]).

Законодательные технологии

Законодательные технологии как целенаправленно сконструированная совокупность приемов и методов достижения результата (в нашем случае принятия или отклонения законопроектов) включает в себя не только манипуляцию временем, но и большой набор средств, использующих полномочия, процедуры и политическое влияние акторов (подробнее можно прочитать в статье [Алексеев, 2023]).

В представленной статье уже много было сказано про технологии в других разделах (хоть и косвенно, но шла речь, например, про институциональное взаимодействие и партийную деятельность), однако один момент хотелось бы отметить отдельно – это речь, практики аргументации и выстраиваемые партийные стратегии [Alemán, Ramírez, Slapin, 2017]. Публичное рассмотрение проектов закона сопровождается дискуссией о ее необходимости, тем интереснее следить, как легитимизируют принимаемое решение. Поэтому слова становятся важным источником данных, анализируемым как простыми количественными (например, контент-анализом) [Martin et al., 2014], так и качественными методами (например, дискурс-анализа) [Shenhav, Rahat, Shearer, 2014], вплоть до использования нейросетей и машинного обучения для изучения законодательных документов с целью определения правил принятия решений (например, Natural Language Processing [Michel, Djurica, Mendling, 2022]).

Вместо заключения

Представленная статья не претендует на полноту освещения темы законодательных исследований, она лишь показывает разнообразие предметного поля и основные тенденции развития этого направления в политической науке. Можно даже сказать, что «зеркальный принцип», о котором упоминалось в статье, применим и для характеристики связи законодательных исследований с политической наукой, которые являются отражениями друг друга. Нам лишь остается искать новые исследовательские вопросы, подходы и методы изучения, чтобы лучше понять работу законодательных институтов, происходящих в них процессах и используемых тех-

нологиях. Нет сомнений, что legislative studies и дальше будет развиваться, поэтому точку здесь ставить рано...

I.A. Pomiguev*

Subject field of legislative studies in political science¹

Abstract. The article presents an overview of the subject field of legislative research in political science. The author conceptualizes the concepts of “legislative” and “lawmaking”, describes the main historical milestones in the development of the mentioned research area, and he also talks about the most popular topics now. The author writes about the scientific approaches and methods of studying legislative bodies and other political actors. The author's typology is built on the difference between the external and internal environment of the parliamentary activity as a subject of research. In the first case, researchers analyze the legislative work of the president, government, courts, non-majoritarian bodies, and public groups that use parliament as a field for interaction during decision-making. In the second, scholars study the legislative institutions within parliament, the processes within them and the technologies they employ. The author also notes the topics of the structural diversity of parliament, decision-making procedures, and networking of political actors. He describes promising directions of research on discourse and argumentation practices, including the use of neural networks.

Keywords: legislative studies; legislative institutions; legislative process; legislative technologies; subject of legislative studies; political science.

For citation: Pomiguev I.A. Subject field of legislative studies in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 16–41.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.01>

References

- Alekseev D.V. Possibilities of using political technologies in the legislative process (on the example of the State Duma of the 7 th convocation). *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 159–179. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.XX>
- Aleman E., Calvo E. Explaining policy ties in presidential congresses: a network analysis of bill initiation data. *Political studies*. 2013, Vol. 61, N 2, P. 356–377. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00964.x>

* Pomiguev Ilya, HSE University (Moscow, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia), e-mail: pomilya@mail.ru

¹ This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

- Alemán E., Ramírez M.M., Slapin J.B. Party strategies, constituency links, and legislative speech: party strategies, constituency links, and legislative speech. *Legislative studies quarterly*. 2017, Vol. 42, N 4, P. 637–659.
- Avakyan S.A., Gutsenko K.F., Kovler A.I., Marchenko M.N. *Constitutional law: encyclopedic dictionary*. In: Avakyan S.A. (ed.). Moscow: NORMA: NORMA-INFRA, 2001, 675 p. (In Russ.)
- Bächtiger A. Debate and deliberation in legislatures. *The Oxford handbook of legislative studies*. 2014, P. 145–166.
- Bates F.G. Legislative organization and procedure. *American political science review*. 1916, Vol. 10, N 1, P. 120–123.
- Blomgren M., Rozenberg O. (eds). Parliamentary roles in modern legislatures. – Abingdon ; New York: Routledge, 2012, xxviii + 237 p.
- Borges F.A. Rules of procedure as a cause of legislative paralysis: the case of Costa Rica, 2002–2012. *Latin American politics and society*. 2014, Vol. 56, N 4, P. 119–142.
- Borisov V.I., Ilyukhov A.A., Kozhanov O.A. *Dictionary of the constitutional law of the Russian Federation*. Moscow: Economy, 2003, 366 p. (In Russ.)
- Bräuninger T., Debus M., Wüst F. Governments, parliaments and legislative activity. *PSRM*. 2017, Vol. 5, N 3, P. 529–554.
- Bruncken E. Defective methods of legislation. *American political science review*. 1909, T. 3, N 2, P. 167–179.
- Calca P. *Executive-legislative relations in parliamentary systems: policy-making and legislative processes*. Cham: Springer international publishing, 2022, 184 p.
- Chasty P. The legislative effects of presidential partisan powers in post-communist Russia. *Government and opposition*. 2008, Vol. 43, N 3, P. 424–453.
- Chasty P., Whitefield S. Building voting coalitions in electoral authoritarian regimes: a case study of the 2020 constitutional reform in Russia. *Post-soviet affairs*. 2023, P. 1–18.
- Converse P.E., Pierce R. Representative roles and legislative behavior in France. *Legislative studies quarterly*. 1979, N 4, P. 525–62.
- Cooper I. Dominant party cohesion in comparative perspective: evidence from South Africa and Namibia. *Democratization*. 2017, Vol. 24, N 1, P. 1–19.
- Cordero G., Collier X. Cohesion and candidate selection in parliamentary groups. *Parliamentary affairs*. 2015, Vol. 68, P. 592–615.
- Cox G.W. On the effects of legislative rules. *Legislative studies quarterly*. 2000, Vol. 25, N 2, P. 169–192.
- Cox G.W., McCubbins M.D. Managing plenary time: the U.S. Congress in comparative context. In: Edwards G.C., Lee F.E., Schicker E. (eds.). *The Oxford handbook of the American Congress*. New York: Oxford university press, 2011, P. 451–472.
- Craig A.W. It takes a coalition: the community impacts of collaboration. *Legislative studies quarterly*. 2021, Vol. 46, N 1, P. 11–48.
- Cunningham D.E. Veto players and civil war duration. *American journal of political science*. 2006, Vol. 50, N 4, P. 875–892.
- Davidson-Schmich L.K. The development of party discipline in new parliaments: Eastern German state legislatures 1990–2000. *The journal of legislative studies*. 2003, Vol. 9, P. 88–101.

- Dewan T., Dowding K., Shepsle K. (eds). *Rational choice politics*. London: SAGE Publications Ltd, 2009, 440 p.
- Duverger M. *Political parties*. Moscow: Academic Project, 2000, 538 p. (In Russ.)
- Elgie R. From Linz to Tsebelis: three waves of presidential/parliamentary studies? *Democratization*. London, 2005, N 12 (1), P. 106–122.
- Fortunato D. Legislative scholars should study extralegislative outcomes. *Legislative studies quarterly*. 2021, Vol. 46, N 1, P. 3–9.
- Fowler J.H. Connecting the Congress: a study of cosponsorship networks. *Political analysis*. 2006, Vol. 14, N 4, P. 456–487. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpl002>
- Freund E. Principles of legislation. *American political science review*. 1916, Vol. 10, N 1, P. 1–19.
- Fruhstorfer A., Hein M. Institutional interests and the politics of constitutional amendment. *International political science review*. 2021, Vol. 42, N 2, P. 229–244.
- Gaines B.J., Goodwin M., Holden Bates S., Sin G. The study of legislative committees. *The journal of legislative studies*. 2019, Vol. 25, N 3, P. 331–339.
- Gessen V.M. On the bicameral system. *Law*. 1906, N 19, P. 1726–1738. (In Russ.)
- Giannetti D., Pedrazzani A. Rules and speeches: how parliamentary rules affect legislators' speech-making behavior: rules and speeches. *Legislative studies quarterly*. 2016, Vol. 41, N 3, P. 771–800.
- Grigoriev I.S. Political science of courts: subject and research program. *Political science (RU)*. 2012, N 3, P. 258–275. (In Russ.)
- Grigoriev I.S., Rodionova E.A. Relations between legislatures and non-majority institutions as a subject of legislative research. *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 16–34. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.02> (In Russ.)
- Guy Peters B. Bureaucracy for democracy: administration in support of legislatures. *The journal of legislative studies*. 2021, Vol. 27, N 4, P. 577–594.
- Haspel M. Committees in the Russian state Duma: continuity and change in comparative perspective. *The journal of legislative studies*. 1998, Vol. 4, N 1, P. 188–205.
- Norton Ph. Cohesion without discipline: party voting in the House of Lords. In: Hazan R.Y. (ed.). *Cohesion and discipline in legislatures*. Routledge, 2005, P. 65–80.
- Hooghe M., Deschouwer K. Veto players and electoral reform in Belgium. *West European politics*. 2011, Vol. 34, N 3, P. 626–643.
- Hug S., Tsebelis G. Veto players and referendums around the world. *Journal of theoretical politics*. 2002, Vol. 14, N 4, P. 465–515.
- Hull M.D. Legislative procedure. *American political science review*. 1913, Vol. 7, N 2, P. 239–241.
- Ilie C. Discourse and metadiscourse in parliamentary debates. *Journal of language and politics*. 2003, N 1, P. 269–91.
- Jenkins J.A., Monroe N.W. On measuring legislative agenda – setting power. *American journal of political science*. 2016, Vol. 60, N 1, P. 158–174.
- Kayser M.A., Rehmert J. Coalition prospects and policy change: an application to the environment. *Legislative studies quarterly*. 2021, Vol. 46, N 1, P. 219–246.
- Kirkland J.H., Kroeger M.A. Companion bills and cross-chamber collaboration in the U.S. Congress. *American politics research*. 2018, Vol. 46, N 4, P. 629–670. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673x17727094>

- Komshukova O.V. Does the court think politically? Experience of the constitutional court of Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 312–331. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>
- Koß M. Executive prerogatives in the legislative process and democratic stability: evidence from non-presidential systems. *Political studies review*. 2020, Vol. 18, N 1, P. 71–86.
- Kroeger M.A. Bureaucrats as lawmakers. *Legislative studies quarterly*. 2022, Vol. 47, N 1, P. 257–289.
- Krol G. Legislative performance of the Russian State Duma: the role of parliament in an authoritarian regime. *East European politics*. 2017, Vol. 33, N 4, P. 450–471.
- Lagona F., Padovano F. The political legislation cycle. *Public choice*. 2008, Vol. 134, N 3–4, P. 201–229.
- Lazarevsky N. People's representation and its place in the system of other state institutions. In: *Constitutional state*. St. Petersburg, 1905, P.179–252 (In Russ.)
- Leifeld P. Discourse network analysis: policy debates as dynamic networks. In: Victor J.N, Montgomery A.H., Lubell M. (eds). *The Oxford handbook of political networks*. Oxford: Oxford university press, 2016, P. 1–29.
- Lewallen J. Booster seats: new committee chairs and legislative effectiveness. *The journal of legislative studies*. 2020, Vol. 26, N 4, P. 495–522.
- Lord C., Tamvaki D. The Politics of justification? Applying the ‘Discourse Quality Index’ to the study of the European Parliament. *European political science review*. 2013, N 5, P. 27–54.
- Martin S., Saalfeld T., Strom K. (eds). *The Oxford handbook of legislative studies*. New York, NY: Oxford university press, 2014, 761 p.
- Martin S., Saalfeld T., Strøm K.W. (eds). Procedure and rules in legislatures. *The Oxford handbook of legislative studies*. Oxford university press, 2014, P. 1–23.
- McCubbins M.D. Legislative process and the mirroring principle. In: Menard C., Shirley M.M. *Handbook of new institutional economics*. Berlin / Heidelberg: Springer-Verlag, 2005, P. 123–147.
- Medushevsky A.N. *Theory of constitutional cycles*. 2nd ed. Moscow ; Berlin: Direct-Media, 2015, 936 p.
- Melenhorst L. The media’s role in lawmaking: a case study analysis. *The international journal of press/politics*. 2015, Vol. 20, N 3, P. 297–316.
- Michel M., Djurica D., Mendling J. Identification of decision rules from legislative documents using machine learning and natural language processing. *HICSS*. 2022, P. 1–10.
- Miller D.R. On whose door to knock? Organized interests’ strategic pursuit of access to members of congress. *Legislative studies quarterly*. 2022, Vol. 47, N 1, P. 157–192.
- Müller W.C., Saalfeld T. (eds). *Members of parliament in Western Europe: roles and behavior*. London: Frank Cass, 1997, 176 p.
- Neal Z.P. A sign of the times? Weak and strong polarization in the U.S. Congress, 1973–2016. *Social networks*. 2020, Vol. 60, P. 103–112.
- Noble B. Authoritarian amendments: legislative institutions as Intraexecutive constraints in post-soviet Russia. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1417–1454.

- Noble B. *Rethinking 'rubber stamps': Legislative subservience, executive factionalism, and policy-making in the Russian State Duma* [PhD thesis]. University of Oxford, 2015.
- Nolde B.E. The concept of a session in Russian state law. *Law*. 1911, N 30, P.1673–1682. (In Russ.)
- Norton P. Playing by the rules: the constraining hand of parliamentary procedure. *The journal of legislative studies*. 2001, Vol. 7, N 3, P. 13–33.
- Norton P. Roles and behaviour of British MPs. *The journal of legislative studies*. 1997, Vol. 3, N 1, P. 17–31.
- Ostrogorsky M.Ya. *Democracy and political parties*. Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN), 1997, 640 p. (In Russ.)
- Patty J.W., Turner I.R. Ex post review and expert policy making: when does oversight reduce accountability? *The journal of politics*. 2021, Vol. 83, N 1, P. 23–39.
- Pedersen M.N. Parliamentary roles in modern legislatures (Book reviews). *The journal of legislative studies*. 2012, Vol. 18, N 3–4, P. 532–533.
- Petrov K., Gel'man V. Do elites matter in Russian foreign policy? The gap between self-perception and influence. *Post-Soviet affairs*. 2019, Vol. 35, N 5–6, P. 450–460.
- Pomiguev I.A. The concept of veto players: a new approach to the study of forms of government. *Political science (RU)*. 2014, N 1, P. 199–210. (In Russ.)
- Pomiguev I.A. The council of the state duma: real veto player or a technical executive? *Polis. Political studies*. 2016 b, N 2, P. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12> (In Russ.)
- Pomiguev I.A. The role of veto players in the federal legislative process in modern Russia: dis. ... Ph.D. Moscow: Moscow state university, 2016 a, 228 p. (In Russ.)
- Pomiguev I.A., Alekseev D.V. Resetting bills: discontinuity as a political technology for blocking policy decision. *Polis. Political studies*. 2021, N 4, P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13> (In Russ.)
- Pomiguev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network approach in legislative studies: perspective methods for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 31–59. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02> (In Russ.)
- Pralle S.B. Timing and sequence in agenda-setting and policy change: a comparative study of lawn care pesticide politics in Canada and the US. *Journal of European public policy*. 2006, Vol. 13, N 7, P. 987–1005.
- Princen S. Agenda-setting in the European Union: a theoretical exploration and agenda for research. *Journal of European public policy*. 2007, Vol. 14, N 1, P. 21–38.
- Remington T. Patronage and the party of power: president-parliament relations under Vladimir Putin. *Europe-Asia studies*. 2008, Vol. 60, P. 959–987.
- Reuter O.J., Szakonyi D. Elite defection under autocracy: evidence from Russia. *American political science review*. 2019, Vol. 113, P. 552–568.
- Rice S.A. The behavior of legislative groups: a method of measurement. *Political science quarterly*. 1925, Vol. 40, P. 60.
- Ritchie M.N., You H.Y. Legislators as lobbyists: legislators as lobbyists. *Legislative studies quarterly*. 2019, Vol. 44, N 1, P. 65–95.

- Rogers S. Electoral Accountability for state legislative roll calls and ideological representation. *American political science review*. 2017, Vol. 111, N 3, P. 555–571.
- Russell M. Parliamentary party cohesion. *Party politics*. 2014, Vol. 20, P. 712–723.
- Saalfeld T. Rational – choice theory in legislative studies: models of politics without romanticism. *The journal of legislative studies*. 1995, Vol. 1, N 1, P. 32–64.
- Saalfeld T., Müller W.C. Roles in legislative studies: a theoretical introduction. *The journal of legislative studies*. 1997, Vol. 3, N 1, P. 1–16.
- Schoch D., Brandes U. Legislators' roll-call voting behavior increasingly corresponds to intervals in the political spectrum. *Scientific reports*. 2020, Vol. 10, N 1, P. 17369.
- Searing D.D. *Westminster's world: understanding political roles*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1994 xiv, 498 p.
- Serban R. How are prime ministers held to account? Exploring procedures and practices in 31 parliamentary democracies. *The journal of legislative studies*. 2020, P. 1–24.
- Shenav S.R., Rahat G., Sheaffer T. Testing the language–power assumption of critical discourse analysis: the case of Israel's legislative discourse. *Canadian journal of political science*. 2012, Vol. 45, N 1, P. 207–222.
- Shirikov A. Who gets ahead in authoritarian parliaments? The case of the Russian state duma. *The journal of legislative studies*. 2021, P. 1–24.
- Shugart M.S. Comparative executive–legislative relations. In: Binder S.A., Rhodes R.A.W., Rockman B.A. *The Oxford handbook of political institutions*. Oxford university press, 2009, Vol. 1, P. 344–365.
- Shulman E.M. *Lawmaking as a political process*. Moscow: Moscow School of Civil Education, 2014, 184 p.
- Sokolov K.N. *Parliamentarism. Experience of the legal theory of the parliamentary system*. St. Petersburg: "Printed Work", 1912, 432 p. (In Russ.)
- Sousa P.A. Central bank independence and democratic accountability. *SSRN journal*. 2002.
- Stepan A., Skach C. Constitutional frameworks and democratic consolidation: parliamentarianism versus presidentialism. *World politics*. 1993, Vol. 46, N 1, P. 1–22.
- Strøm K. Rules, reasons and routines: legislative roles in parliamentary democracies. *The journal of legislative studies*. 1997, Vol. 3, N 1, P. 155–174.
- Tsebelis G. *Nested games: rational choice in comparative politics*. Berkeley: Univ. of California Press, 1990, 274 p.
- Tsebelis G. Veto players and constitutional change. *Política y gobierno*. 2018, N 1, P. 28–48.
- Tsebelis G. *Veto players: how political institution work*. Princeton, NJ: Princeton university press, 2002, 440 p.
- Tsebelis G., Rasch B.E. (eds). The role of government in legislative agenda setting. London, New York: Routledge 2011, 304 p.
- Van Dijk T.A., Wodak R. Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European countries. Klagenfurt, Austria: Drava Verlag: 2000, 391 p.
- Van Dijk T.A. Text and context of parliamentary debates. In: Bayley P. (ed.). *Cross-Cultural perspectives on parliamentary discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2004, P. 339–372.

- Volcansek M.L. Constitutional courts as veto players: divorce and decrees in Italy. *European journal of political research*. 2001, Vol. 39, N 3, P. 347–372.
- Wahlke J.C., Eulau H., Buchanan W., Ferguson L.C. *The Legislative system. Explorations in legislative behavior*. New York: Wiley, 1962, 517 p.
- Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective. *The journal of legislative studies*. 2020, Vol. 28, Iss. 1, P. 1–25.
- West W.F. Formal procedures, informal processes, accountability, and responsiveness in bureaucratic policy making: an institutional policy analysis. *Public administration review*. 2004, Vol. 64, N 1, P. 66–80.
- Williamson S., Magaloni B. Legislatures and policy making in authoritarian regimes. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1525–1543.
- Winzen T. Technical or political? An exploration of the work of officials in the committees of the European Parliament. *The journal of legislative studies*. 2011, Vol. 17, N 1, P. 27–44.
- Yackee S.W. The politics of rulemaking in the United States. *Annual review of political science*. 2019, Vol. 22, N 1, P. 37–55.
- Young J.K., Dugan L. Veto players and terror. *Journal of peace research*. 2011, Vol. 48, N 1, P. 19–33.
- Zubek R. Negative agenda control and executive-legislative relations in East Central Europe, 1997–2008. *The journal of legislative studies*. 2011, Vol. 17, N 2, P. 172–192.

Литература на русском языке

- Алексеев Д.В. Возможности применения политических технологий в законодательном процессе (на примере Государственной думы VII созыва) // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 159–179. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.XX>*
- Борисов В.И., Ильюхов А.А., Кожанов О.А. Словарь по конституционному праву Российской Федерации. – М.: Экономика, 2003. – 366 с.*
- Гессен В.М. О двухпалатной системе // Право. – 1906. – № 19. – С. 1726–1738.*
- Григорьев И.С. Политология судов: предмет и исследовательская программа // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 258–275.*
- Григорьев И.С., Родионова Е.А. Отношения между легислатурами и немажоритарными институтами как предмет законодательных исследований // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 16–34. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.02>*
- Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. – М.: Академический Проект, 2000. – 38 с.*
- Комшукова О.В. Мыслит ли суд политически? Опыт Конституционного суда России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 312–331. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>*
- Конституционное право: Энциклопедический словарь / Авакян С.А., Гуценко К.Ф., Ковлер А.И., Марченко М.Н.; отв. ред. С.А. Авакян. – М.: НОРМА: НОРМА-ИНФРА. 2001. – 675 с.*

- Лазаревский Н.* Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство: сб. статей. – 2-е изд. – СПб., 1905. – С.179–252.
- Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 936 с.
- Нольде Б.Э.* Понятие сессии в русском государственном праве // Право. – 1911. – № 30. – С.1673–1682.
- Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997 – 640 с.
- Помигуев И.А.* Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. – 2014. – № 1. – Р. 199–210.
- Помигуев И.А.* Роль вето-игроков в федеральном законодательном процессе в современной России: дис. ... к.полит.н. – М.: МГУ, 2016. – 228 с.
- Помигуев И.А.* Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 171–183.
- Помигуев И.А., Алексеев Д.В.* Обнуление законопроектов: дисконтиунитет как технология блокирования политических решений. – Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 176-191. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>
- Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М.* Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 31–59. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>
- Соколов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. – СПб.: «Печатный труд», 1912. – 432 с.
- Шульман Е.М.¹* Законотворчество как политический процесс. – М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. – 184 с.

¹ Внесена в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.